

Как и ожидалось, тело не испытывало никакого дискомфорта от травм, а обстановка вокруг казалась до боли знакомой — он видел её во сне. Оглядев себя, он убедился: одежда тоже соответствовала той, что была в сне, — белый древний наряд.

Совершенно растерянный, Цзин Ли не знал, как ответить, и сохранял бесстрастное выражение лица.

Похоже, Бессмертный Владыка Цзин Ли обычно был холоден и сдержан, поэтому мужчина перед ним не заметил подмены и спокойно сказал:

— Бессмертный Владыка, ваше выздоровление стало возможным благодаря тому, что старший брат Э Цзяо отправился за лекарством в Восточное море. Небесный Владыка уже был здесь и велел вам хорошенько отдохнуть пару дней.

Услышав знакомое имя, Цзин Ли вспомнил предыдущий сон: Бессмертный Владыка Цзин Ли был ранен, а Э Цзяо в чёрном, с хищным выражением лица, сказал, что отправится за лекарством. Но, если память не изменяла, Небесный Владыка тогда упомянул, что путь в Восточное море крайне опасен.

— А где Э Цзяо?

Улыбка на лице мужчины мгновенно застыла, и он замялся:

— Старший брат сегодня, вероятно, не сможет навестить учителя. Дело в том, что... фея, созерцающая луну, всё ещё преследует его, и он сбежал рано утром, чтобы спрятаться. Сейчас он, наверное, где-то отсиживается.

Надо признать, навыки лжи у этого ученика Бессмертного Владыки Цзин Ли были весьма посредственны.

Цзин Ли хотел разоблачить его и выяснить, где же Э Цзяо, но горло словно сжалось, и слова застряли на языке.

Он попробовал ещё раз, но результат был тот же.

Махнув рукой, он отпустил ученика, и тот почтительно удалился, оставив его одного в комнате для медитации и отдыха.

Наконец у него появилось время обдумать всё происходящее. От предыдущего сна до нынешнего момента, после нападения он снова оказался здесь. Теперь уже нельзя было списать всё на сон. Это, должно быть, было реальностью.

В прошлый раз он существовал в виде духа, а теперь вселился в тело Бессмертного Владыки Цзин Ли. Возможно, тогда он не смог войти в его тело, потому что Владыка был тяжело ранен и без сознания.

Но совпадение имён, внешности, да и отношение Э Цзяо к нему в последние дни — всё указывало на то, что Бессмертный Владыка Цзин Ли и он, вероятно, были связаны.

Цзин Ли не хотел углубляться в эти мысли. Пока он мог воспринимать Бессмертного Владыку лишь как незнакомца. И каждый раз, когда он думал о том, что Э Цзяо неоднократно рисковал ради Владыки, а не ради него, в его сердце закрадывалась горечь.

Он видел ситуацию со стороны и знал, что путь за лекарством в Восточное море был смертельно опасен, но Бессмертный Владыка не знал этого. Поэтому, когда он хотел разоблачить ученика, не смог произнести ни слова.

Теперь он понимал: хотя он и занял тело Бессмертного Владыки, он, вероятно, был вынужден следовать по пути уже случившихся событий. Он мог лишь наблюдать, но на этот раз изнутри, от первого лица.

Цзин Ли не знал, как поступил бы настоящий Бессмертный Владыка, поэтому решил просто сидеть и ждать. Если всё пойдёт так, как он предполагал, ему нужно было лишь следовать сюжету.

И действительно, тело Бессмертного Владыка начало двигаться само. Цзин Ли, находясь внутри, наблюдал, как оно проходит через двор и почти бежит в соседний флигель.

У самой двери флигеля Бессмертный Владыка, кажется, заколебался. Он протягивал руку и снова отдергивал её. Повторив это несколько раз, он наконец легонько толкнул дверь. Внутри было тихо. Бессмертный Владыка, видимо, использовал какую-то магию, чтобы пройти к кровати Э Цзяо, не издав ни звука.

На кровати лежал мужчина в чёрном, но, в отличие от прежней собранности, сейчас он выглядел небрежно, и край белой нижней рубашки был пропитан алым.

Лицо Э Цзяо было знакомым, но Цзин Ли никогда не видел его таким бледным. Он инстинктивно захотел протянуть руку, чтобы прикоснуться, но, осознав тщетность, почувствовал досаду. Однако Бессмертный Владыка сделал то же самое — должно быть, так и было тогда.

Э Цзяо лежал без сознания. Бессмертный Владыка долго стоял у изголовья, затем положил руку на его лоб. Цзин Ли почувствовал, как тёплый поток энергии из сердца Владыки через руку перешёл ко лбу Э Цзяо. После этого Цзин Ли ощутил необычайную лёгкость и слабость.

Бессмертный Владыка ещё раз взглянул на Э Цзяо, затем, придерживая грудь, вышел. Его шаги стали неуверенными.

Цзин Ли не знал, как долго он уже в ловушке и сколько ещё пробудет. Он лишь понимал, что каждый день Бессмертный Владыка приходил в комнату Э Цзяо и повторял те же действия. Он ничего не смыслил в магии бессмертных, но его чувства оставались, и с того дня он замечал, что тело Владыки становилось всё слабее.

В последний день, после того как Бессмертный Владыка снова выполнил ритуал, он рухнул у кровати Э Цзяо. Тело упало, а душа Цзин Ли чудесным образом отделилась от него. Поэтому он ясно увидел, как Э Цзяо, который должен был быть без сознания, открыл глаза и смотрел на Бессмертного Владыку с неоднозначным, сложным выражением.

Цзин Ли понял, что это последний день, потому что Бессмертный Владыка, проснувшись утром, всё время бормотал что-то вроде «семь раз по семь» — вероятно, прошло сорок девять дней.

Э Цзяо открыл глаза и смотрел на Бессмертного Владыку, не двигаясь. Цзин Ли наблюдал за этим некоторое время, но быстро устал. Попробовав выйти, он понял, что не может, и в конце концов уснул, склонившись над столом. Проснувшись, он снова оказался в теле Бессмертного Владыки, который уже пришёл в себя.

Э Цзяо тоже проснулся, и они уставились друг на друга — взгляд был полон немой нежности.

Бессмертный Владыка казался ещё более косноязычным, чем сам Цзин Ли, и долго не мог выдать ни слова. Опасаясь разоблачения, Цзин Ли быстро промолвил:

— Сначала отдохни как следует. Я зайду к тебе завтра.

После чего поспешно ретировался.

Вечером Цзин Ли долго лежал в постели, репетируя в уме, что сказать Э Цзяо на следующий день, чтобы не выдать себя, и заснул только глубокой ночью.

Но на следующее утро он проснулся не в постели.

Он стоял перед столом и рисовал. Цзин Ли взглянул на изысканный пейзаж перед собой и решил остановиться — его собственные художественные навыки могли разрушить всю картину одним неверным мазком.

За окном раздавались выкрики, сопутствующие тренировкам. Цзин Ли подошёл к окну и увидел, что Э Цзяо, уже вполне оправившийся, фехтовал в беседке. Лепестки сакуры кружились на острие его меча, создавая прекрасное зрелище.

Внезапно лёгкий ветерок заставил его замереть. Он подумал, насколько эта сцена похожа на ту, что он снимал в фильме «Одна улыбка». Во время съёмок он часто ощущал смутное знакомство, но лишь теперь до него стало доходить: возможно, всё это уже происходило с ним.

Э Цзяо, вероятно, устал и остановился. Словно почувствовав взгляд, он повернулся к Цзин Ли. Его обычно суровое выражение смягчилось, и он, стоя в чёрном под цветущей сакурой, одарил его такой ослепительной улыбкой, что сердце Цзин Ли забилось чаще.

Он не мог понять, было ли это его сердцебиение или сердце Бессмертного Владыки, а может, они и вправду были одним целым.

Картина замерла на этой прекрасной улыбке, а затем всё завертелось, и Цзин Ли почувствовал, что его начинает тошнить. В следующее мгновение он оказался в незнакомом месте.

В Царстве Бессмертных, кажется, не было смены времён года, но в том же дворе пейзаж был совершенно иным. Источник больше не бил водой, с сакуры не сыпались лепестки, и всё вокруг выглядело запущенным и мёртвым.

Он почувствовал острую боль в плече и, опустив взгляд, увидел острие меча, вонзившегося в его тело. Человек, державший меч, был его учеником — Э Цзяо.

Не веря своим глазам, Цзин Ли поднял взгляд на Э Цзяо. Ещё мгновение назад они смотрели друг на друга с нежностью... Что же произошло за это время? И теперь его же спасённый ученик направляет на него меч?

Но Э Цзяо не только ранил его мечом. Следующие его слова ранили куда глубже: